

Г. АНДЕРСЕН

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Г. УСПЕНСКИЙ: 12 подвигов
Геракла—5 мар.

Бандиты из Сан-Марко (приключ. из америк. жизни)

Ежемесячный детский журнал 5 марок.

Озаренный верой (па-
мяти Георгия Полошкина)
1 мар. 50 фф.

Чехов А. П.: Каштанка
4 мар.

Б. Башилов: В моря и
земли неведомые
15 мар.

Вахтеров: Русский бук-
варь
8 мар.

Фляуме: Грамматика
10 мар.

АФАНАСЬЕВ: Русские сказки
6 иллюстраций—5 мар.

КАРРИК: Кот в сапогах, с
иллюстрациями—3 мар.

Г. АНДЕРСЕН

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Рисунки художника К. КУЗНЕЦОВА

«ЮНОСТЬ»

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

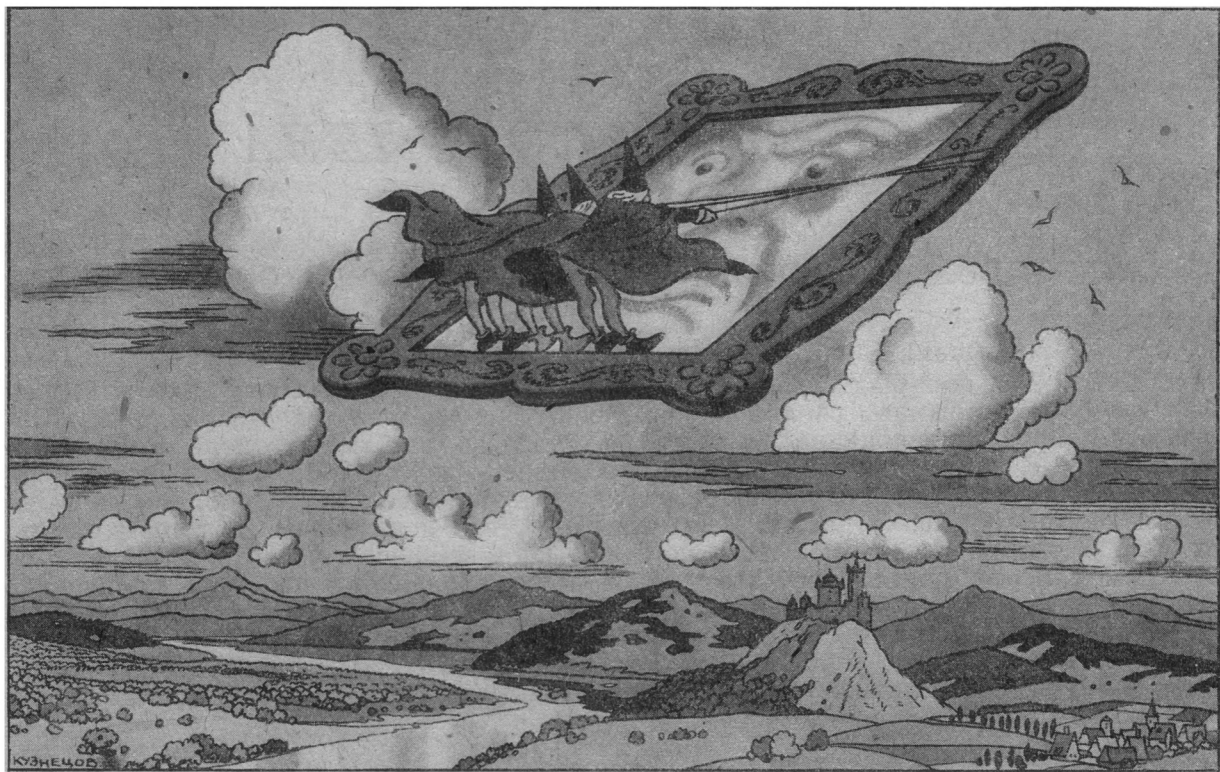
История первая,

в которой говорится о зеркале и его осколках.

Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил-был тролль, ¹⁾ злощий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось еще хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей—уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов. Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же у когò на лице веснушка, она расплывалась во весь нос или рот. Дьявола все это ужасно потешало. Если у человека появлялась добрая, благочестивая мысль, зеркало тот-час строило гримасу, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля—у него была своя школа—рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Теперь только,—говорили они,—можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

¹⁾ Тролль—злой дух.

КУЗНЕЦОВ

И вот, они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Все выше и выше летели они, и вдруг зеркало так перекошилось, что вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребёзги. Миллионы, миллиарды и еще гораздо больше осколков наделали, однако, несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них, величиной с песчинку, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть все наыворот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные ее стороны, так как каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось прежде целое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие, и такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее. А злой тролль хохотал до рези в животе и наслаждался, словно его щекотали. Но по свету летало еще много осколков зеркала. Послушаем же!

История вторая

Мальчик и девочка.

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удается отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где, поэтому, большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были бра-

тем и сестрою, но любили друг друга, как если б это было так. Родители их жили под самой крышей, в двух смежных домах. Там, где кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шел водосточный жолоб, туда как раз были обращены чердачные окошки обеих семей. Таким образом, стоило только перешагнуть с одного жолоба на другой, и вы попадали к соседям.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли корни и небольшие кусты роз—в каждом по одному,—кусты эти чудесно разрастались. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики поперек жолобов; таким образом, от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Горох спускался из ящичков зелеными гирляндами; розовые кусты обрамляли окна и сплетались ветвями; получалось нечто вроде триумфальных арок из зелени и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твердо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. Тут они так чудесно играли.

Зимой это удовольствие прекращалось. Окна зачастую замерзали, но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замерзшим стеклам, и сейчас же оттаивало чудесное отверстие, такое круглое-круглое, а в него выглядывал веселый ласковый глазок: это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчелки!—говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева?—спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчел есть своя королева.

— Есть,—отвечала бабушка.—Она там, где рой всего гуще, она больше всех и никогда подолгу не остается на земле—всегда взлетает на черное облако. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окна, и они покрываются тогда ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели!—говорили дети и верили, что все это сущая правда.

— А Снежная Королева не может войти сюда?—спросила раз девочка.

— Пусть попробует!—сказал мальчик.—Я посажу ее на теплую печку— вот она и растает.

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока, наконец, не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительного, сверкающего льда и все же живая! Глаза ее сияли как звезды, но в них не было ни теплоты ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо же окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнце светило, зелень опять показалась из земли, ласточки вили под крышей гнезда, окна растворили, и дети снова сидели в своем маленьком садике, высоко над всеми этажами.

В то лето розы цвели особенно пышно.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на сияние солнца и разговаривали с ним. Как чудесны были эти летние дни, как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, никогда не перестанут цвести!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками—зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай!—вскрикнул вдруг мальчик.—Меня кольнуло прямо в сердце и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею; он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть выскочило,—сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное выступало еще резче, и дурные стороны каждой вещи тотчас бросались в глаза. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но осколок остался...

— О чем же ты плачешь?—спросил он Герду.—У! какая ты делаешься некрасивая! Мне совсем не больно. Фу!—закричал он затем.—Эту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он толкнул ящик ногой и обломал две розы.

— Кай, что ты делаешь?!—закричала девочка, а он, увидя ее испуг, сорвал еще одну розу и убежал от маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли после этого ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь бабушка, он придирался к словам. А потом... дошел и до того, что крался за ней, передразнивая ее походку, стал надевать очки, подражать ее голосу. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей: он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он передразнивал даже маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудренными. Раз зимою, когда шел снег, он явился с большим зажигательным стеклом и поставил под снег полу своего синего пальто.

— Погляди в стекло, Герда,—сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделано!—сказал Кай.—Интереснее настоящих претов! А точность! Ни единой неправильной линии. Ах, если бы они только не таяли!

Некоторое время спустя Кай явился в рукавицах, с санками за синую, и крикнул Герде: „мне позволили покататься на площади с мальчиками!“—и убежал.

На площади каталось множество детей... Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его, на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел человек, весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали кругом площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, да так густо, что Кай не мог видеть своей протянутой руки. Мальчик поспешил отнестись веревку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал, но никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть „Отче наш“, но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых курниц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина—Снежная Королева; и шуба, и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались!—сказала она.—Но ты совсем замерз? Полезай ко мне в медвежью шубу!

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу,—Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Все еще мерзнешь?—спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй ее был холоднее льда: он пронизал насквозь и дошел до са-

КВЗНЕЛОВ

мого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Как показалось, что он сейчас умрет, но только на одну минуту, а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь моих санок!—спохватился он прежде всего о санках.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная Королева поцеловала Кая еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя,—сказала она.—А то зацелую до смерти.

Кай взглянул на нее: она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой: теперь она казалась ему совершенством. Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями; знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и самом деле знает мало, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная Королева подхватила его, и они взвились на черное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озерами, над морями и твердой землей; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую зимнюю ночь; днем он спал у ног Снежной Королевы.

История третья

Цветник женщины, умевшей колдовать.

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался—никто этого не знал, никто ничего не мог сообщить о нем. Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим, великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он

девался. Много было пролито слез; горько и долго плакала Герда. Наконец, порешили, что он умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернется!—сказала Герда.

— Не верю!—отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется!—повторила она ласточкам.

— Не верим!—ответили они.

Подконец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки (Кай ни разу еще не видал их),—сказала она однажды утром,—да пойду к реке спросить про него.

Было еще очень рано; она поцеловала снящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке, и сказала, всматриваясь в волны реки:

— Правда, что ты взяла моего названного братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки—самое драгоценное, что у нее было,—и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу: река как будто не хотела брать у девочки ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, вскочила в лодку, качавшуюся в тростнике, встала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана, и от ее движения стала медленно отплывать от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на сушу, но пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла от берега довольно далеко и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее криков; воробьи же не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая ее утешить:

„Мы здесь! Мы здесь!“

Лодку уносило все дальше; Герда сидела смирно, в чулках, а красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее.

Берега реки были очень красивы; повсюду виднелись чудеснейшие цветы, прекрасные старые деревья, на склонах паслись овцы и коровы, но нигде не было видно людей.

„Может быть, река несет меня к Каю!“—подумала Герда, и повеселела; она встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Но вот она пришлыла к большому вишневному саду, в котором приютился домик с красными и синими стеклами в оконках и с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им,—она приняла их за живых,—но они, конечно, не ответили ей. Вот лодка подплыла к ним еще ближе, подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая женщина, в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная крошка!—сказала старушка.—Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своей клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась, наконец, на суше, хоть и побивалась чужой старухи.

— Ну, пойдем; расскажи мне, кто ты и как сюда попала,—сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: „Гм! Гм!“ Но вот девочка окончила свой рассказ и спросила старуху, не видала ли она Кая. Старуха ответила, что он еще не проходил тут, но, вероятно пройдет, так что девочке пока не о чем горевать,—пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду; они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от полу и все из разноцветных, красных, голубых и желтых стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным, радужным светом. На столе стояла корзиночка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое личико девочки, своей округлостью напомилавшее розу.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку!— сказала старушка.— Вот увидишь, как ладно мы заживем с тобою!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного братца Кая; старушка успела околдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кая да и убежит от нее. Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. Что за красота, что за благоухание! Тут были цветы всех родов и всех времен года. Во всем свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не скрылось за высокими вишневыми деревьями. Тогда ее уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит, быть может, только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволено было играть в чудесном цветнике, на солнце.

Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветочек, но как ни много их было, ей все-таки казалось, что какого-то недостает, только какого же?

Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым цветком была как раз роза: старушка забыла ее стереть, когда загнала другие розы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз?—сказала Герда, и сейчас же побежала искать их на клумбах; искала, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Тёплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они сошли с земли, куст мгновенно вырос из нее, таюй же цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками, принялась целовать цветы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась!—сказала девочка.—Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он?—спросила она у роз.—Верите ли вы тому, что он умер и не вернется больше?

— Он не умер!—сказали розы.—Мы ведь были под землею, где все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо!—сказала Герда, и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: „Не знаете ли вы, где Кай?“

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной сказке или истории; много их выслушала Герда, но ни один из цветков не сказал ни слова о Кае. Тогда она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь отворилась и девочка так босоножкой и пустилась бежать по дороге. Раз три оглядывалась она назад, но никто не гнался за ней. Наконец, она устала, присела на камень и огляделась кругом. Лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уже осень на дворе, тут не до отдыха!—сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли ее бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели. Туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю, листья осыпались. Один лишь терновник стоял весь покрытый вязющими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир...

История четвертая

Принц и принцесса.

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу, прямо перед ней прыгал большой ворон; он долго смотрел на девочку, кивал ей головою, и наконец заговорил:

— Кар - кар! Здравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желая девочке добра, спросил ее, куда это она бредет по белу свету совсем одна. Слово „одна,, Герда поняла отлично и сразу почувствовала все его значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая. Ворон задумчиво покачал головою и сказал:

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Как? Правда?—воскликнула девочка, и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потихе, потихе!—сказал ворон.—Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, пожалуй, забыл тебя со своей принцессой!

— Разве он живет у принцессы?—спросила Герда.

— А вот послушай,—сказал ворон.—Только мне ужасно трудно говорить по-вашему; вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили,—сказала Герда.—Бабушка, та понимает. Хорошо бы и мне уметь.

— Ну ничего,—сказал ворон.—Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всем, что сам знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя. Она прочла все газеты на свете и позабыла все, что в

них прочла,—вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне,—а веселья-то в этом ведь немного, как говорят люди,—и напевала песенку: „Отчего же бы мне не выйти замуж?“ „А ведь и в самом деле!“—подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела бы выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать,—это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: „Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!“ Все это истинная правда,—прибавил ворон.—У меня при дворе есть невеста,—она ручная,—от нее-то я и знаю все это.

Невестою его была ворона. Ведь каждый ищет себе жену подстать, и ворон выбрал поэтому ворону. Ворон продолжал:

— На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, принцесса изберет себе в мужья. Да, да!—повторил ворон.—Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою. Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни на второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только ее же последние слова, а ей вовсе не этого было нужно. Право, их всех точно опаивали дурманом. А вот, выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей дворца тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам был там и видел. Женихам хотелось есть и пить, но из дворца им не давали даже стакана воды. Правда, кто был поумнее, запасся бутербродами, но запасливые не делились с соседями, думая про себя: „Пусть себе выглядят голодными—принцесса и не возьмет их!“.

— Ну, а Кай-то, Кай?—спросила Герда,—когда же он явился? И он пришел свататься?

— Пстой! Пстой! Теперь мы как раз дошли и до него. На третий день явился небольшой человек, ни в карете, ни верхом, а просто пешком, и прямо вошел во дворец. Глаза его блестели как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай!—обрадовалась Герда.—Я нашла его!—и она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка,—продолжал ворон.

— Нет, это, пожалуй, были его саночки,—сказала Герда.—Он ушел из дому с санками.

— Очень возможно,—сказал ворон.—Я не разглядел хорошо. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидев гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни кашельки не смутился, кивнул головою и сказал: „Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!“ Залы все были залиты светом; тайные советники и превосходительства расхаживали без сапог, разнося золотые блюда,—торжественнее уж нельзя было! А его сапоги громко скрипели, но он этим не смущался.

— Это наверно был Кай!—воскликнула Герда.—Я знаю, что на нем были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да они-таки скрипели порядком,—продолжал ворон.—Но он смело подошел к принцессе; она сидела на жемчужине, величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем важнее, надменнее держался. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без страха, такой он был важный!

— Вот страх-то!—сказала Герда.—А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам жеңился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю повороньи,—так, по крайней мере, сказала мне моя невеста. Держался он очень свободно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи

принцессы. Ну вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да, да, это Кай!—сказала Герда.—Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать,—отвечал ворон,—да как это сделать? Постой, я поговорю с моей невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких дечок!

— Меня впустят!—сказала Герда.—Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут, у решетки,—сказал ворон, повертел головой и улетел. Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар,-кар! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне—там их много, а ты, верно, голодна!... Ну, во дворец тебе не попасть; ты ведь босая, а гвардия в серебре и лакеи в золоте, они ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода, и знает где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли, ворон провел девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Она точно собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, верно здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы; она ясно видела, как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, и узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости!..

Но вот они на площадке лестницы, на шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас, столько хорошего, барышня!—сказала ручная ворона.—И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямой дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, что кто-то идет за нами,—сказала Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы, кавалеры верхами.

— Это сны!—сказала ручная ворона. Они являются чтобы унести мысли высоких особ на охоту. Тем лучше для нас: удобнее будет рассмотреть спящих. Надеюсь, однако, что войдя в честь, вы покажете, что у вас благородное сердце!

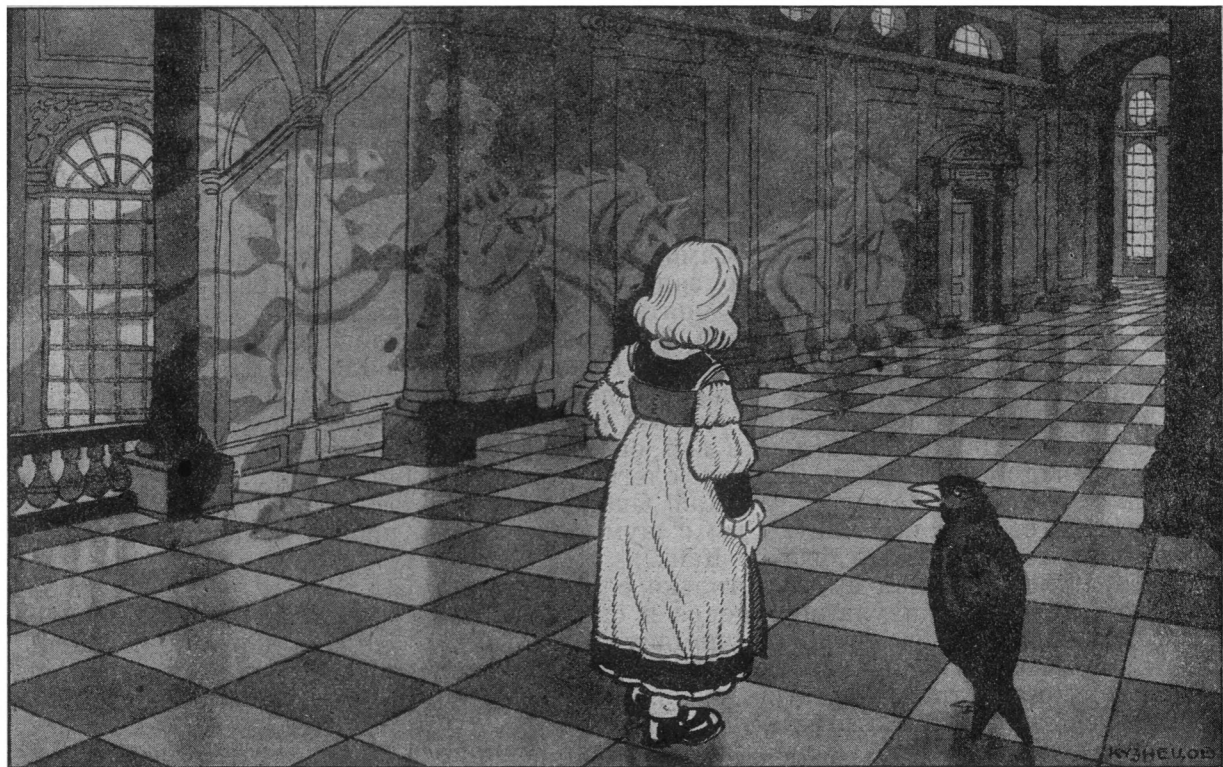
— Есть о чем говорить! Само собою разумеется!—сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу; ее стены были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой. Герда была совсем ослеплена этой роскошью. Наконец, они дошли до спальни: потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая—красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темнорусый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!..

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее воробы.

— Ах ты, бедняжка!—сказали принц и принцесса, затем похвалили ворон, объявили, что ничуть не сердятся на них, только пусть они не делают этого впредь, и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами?—спросила принцесса.—Или желаете занять должности придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороною поклонились и попросили должности при дворе,—они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручки и подумала: „Как добры все люди и животные“!—закрыла глазки и сладко уснула. Сны опять прилетели в спальню, они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, все это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она погостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадей и пару башмаков: она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного брата.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота с сияющими как звезды гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и фореиторов (ей дали и фореиторов) красовались на головах маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею: он не мог ехать, сидя спиной к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду потому, что страдала головными болями с тех пор, как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем—фруктами и пряниками.

— Прощай, прощай!—закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Вот проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжелое было расставанье! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая как солнце, не скрылась из виду.

История пятая

Маленькая разбойница.

Вот Герда въехала в темный лес, но карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они этого не потерпели.

„Золото! Золото!“—закричали они, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких жокеев, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь, какая славненькая, жирненькая! Орешками откормлена!—сказала старуха-разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями.— Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай!—закричала она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была очень необузданная и своевольная. Старуха вскрикнула:

— Ах, ты, дрянная девчонка!—но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной,—сказала маленькая разбойница.—Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали.

— Ишь, как пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету!—закричала маленькая разбойница и настояла на своем: она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты не принцесса ли?

— Нет,—отвечала девочка, и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя: я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка. Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вороны и вороны; откуда-то выскочили огромные бульдоги; казалось, каждый из них легко проглотит человека, но они только весело подпрыгивали в воздух и даже не лаяли: это было запрещено.

Посреди огромной залы с полуразвалившимися стенами, покрытыми копотью, и каменным полом пылал огонь; дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход; над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького звонка,—сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердочках больше сотни голубей; все они, казалось, спали, но когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои!—сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями.—На, поцелуй его!—крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо.—А вот тут сидят лесные плутишки,—продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решетку.—Эти двое—лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина-бляшка!—И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике.—Его то-

же нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом—он страшно этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом?—спросила ее Герда, покосившись на острый нож.

— Всегда!—отвечали маленькая разбойница.—Как знать, что может случиться! Но расскажи мне еще раз о Каяе и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды (в другой у нее был нож) и захрапела; но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница кувыркалась. Страшно было глядеть на это бедной девочке.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной Королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики еще, лежали в гнезде; она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите?—воскликнула Герда.—Куда же полетела Снежная Королева? Знаете?

— Она полетела, наверно, в Лапландию: там ведь вечный снег и лед. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лед—чудо как хорошо!—сказал северный олень.— Там прыгаешь на воле по огромным блестящим ледяным равнинам! Там раскинут летний шатер Снежной Королевы, а постоянные ее чертоги у Северного полюса, на острове Шпицбергене.

— О Кай, мой милый Кай!—вдохнула Герда.

— Лежи же смиренно,—сказала маленькая разбойница.—Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия?—спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне!—отвечал олень, и глаза его заблестели.— Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай,—сказала Герде маленькая разбойница.—Видишь, все наши ушли; дома одна мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и вздремнет и тогда я кое-что сделаю для тебя.

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

— Здравствуй, мой маленький козлик!

А мать надавала ей по носу щелчков, так что нос у девочки покраснел и посинел, но все это делалось любя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Еще долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть. Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отнести ко дворцу Снежной Королевы вот эту девочку: там ее названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее ради осторожности и даже подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть,—сказала она затем,—возьми назад свои меховые сапожки: будет ведь холодно! А муфту уж я оставляю себе: больно она хороша. Но мерзнуть я тебе не дам; вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых лок-

тей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную мать. Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут!—сказала маленькая разбойница.—Теперь ты должна радоваться. Вот тебе еще два хлеба и окорок.

И то и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которую был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки, по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали. „Уф! Уф!“ слышалось вдруг с неба, оно словно зачихало огнем.

— Вот мое родное северное сияние!—сказал олень.—Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

История шестая

Лапландка и финка.

Олень остановился у жалкой избушки; крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось пролезать в нее на четвереньках. Дома была одна старуха-лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную: она казалась ему гораздо важнее. Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы, бедняги!—сказала лапландка.—Долгий же вам еще предстоит путь! Придется сделать сто миль с лишним, пока доберетесь до Финляндии, где

Снежная Королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу два слова на сушеной треске—ведь бумаги у меня нет,—а вы снежете ее финке, которая живет в тех местах и лучше меня сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушеной—треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался. „Уф! Уф!“ послышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии, и постучался в дымовую трубу финки: у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жилье! Сама финка, низенькая, грязная женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды все: платье, рукавицы и сапоги—иначе девочке было бы чересчур жарко,—положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Она прочла все от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котел с супом: рыба ведь еще годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

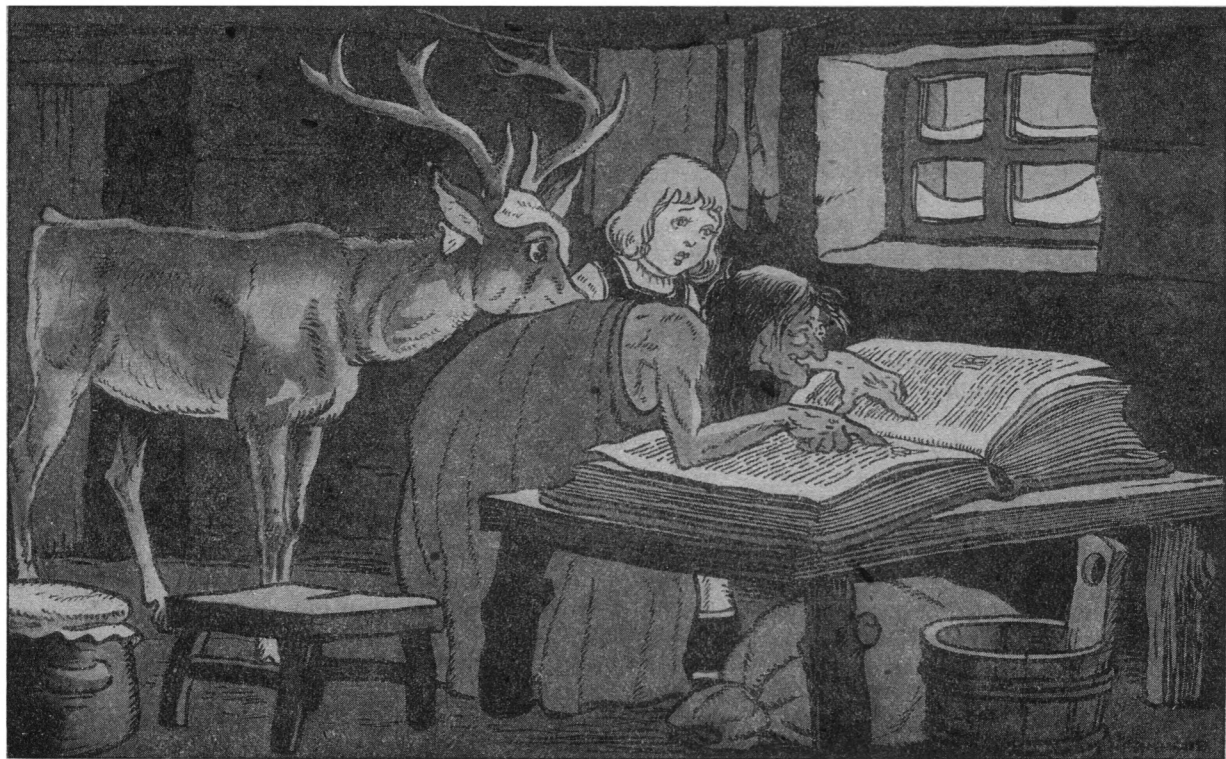
Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазами, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина,—сказал олень.—Я знаю, что ты можешь связать одной ниткой все четыре ветра; когда шкипер развяжет один,—подует попутный ветер, развяжет другой,—погода разыграется, а развяжет третий и четвертый,—подыметься такая буря, что деревья затрещат. Не изобразишь ли ты для девочки такого питья, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную Королеву.

— Силу двенадцати богатырей!—сказала финка.—Да много ли в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нем стояли какие-то удивительные письмена; финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с ее лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя

в сторону и, меняя ему на голове лед, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной Королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе он никогда не будет человеком.

Олень снова стал просить финку.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает ее сильнее всех?

— Сильнее чем она есть я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Но она не должна от нас знать о своей силе, что живет в ее сердце; ее сила в том, что она невинный, милый ребенок. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной Королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной Королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно!

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц!—закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами; тут он спустил девочку, поцеловал ее в самые губы, и по щекам его покапались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц...

Она побежала вперед что было мочи; навстречу ей несся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба,—небо было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние,—нет, они бежали по земле прямо на Герду, и по мере приближения становились все крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие, красивые хлопья под зажигательным стеклом, но эти были больше, страшнее, самых

удивительных видов и форм и все живые. Это были передовые отряды войска Снежной Королевы. Одни напоминали стоголовых змей, другие—толстых медвежат со взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда принялась читать „Отче наш“; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, и вот из него начали выделяться маленькие светлые духи, которые, ступив на землю, выросли в больших грозных духов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их все прибывало, и когда Герда окончила молитву, вокруг нее образовался уже целый легион. Духи приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячу кусков. Герда могла теперь смелее идти вперед; ей не было уже так холодно. Наконец, девочка добралась до чертогов Снежной Королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она готова войти к нему.

История седьмая

Что случилось в чертогах Снежной Королевы и что случилось потом.

Стенами чертогов были снежные метели, окнами и дверьми были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их выюга, тянулись одна за другой, все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда! Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не

составлялись партии в карты с ссорами и дракою, и не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички—нет, никогда никого! Холодно, пустынно, мертво и грандиозно. Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера восседала Снежная Королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого: целуи Снежной Королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его было куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра: складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется „китайской головоломкой“. Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, но из льдин, и это называлось „ледяной игрой разума“. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их—занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, слово „вечность“. Снежная Королева сказала ему: „Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков“. Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края,—сказала Снежная Королева.—Загляну в черные—котлы. Котлами она называла кратеры огнедышащих гор: Везувия и Этны.

— Я побелю их немножко. Это хорошо после лимонов и винограда.

И она улетела, а Кай остался один в необозримой, пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал так, что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замерз. В это-то время в огромные ворота, в которые вечно дули буйные ветры, входила Герда. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая.

Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок.

Кай вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая моя Герда! Где же это ты была так долго? Где был я сам?—и он оглянулся вокруг.—Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная Королева; сложив его, он мог сделаться сам себе господином да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами, поцеловала его в глаза, и они заблистали, как ее; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым. Кай ничуть не страшился прибытия Снежной Королевы: его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели дома, на чердаке, и на пути их стихали буйные ветры, проглядывало солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень. Он привел с собой молодую матку; вымя ее было полно молока; она напоила им Кая и Герду и поцеловала их в губы. Затем Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у нее и узнали дорогу домой, а потом—к лапландке; она сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провозжать. Олени тоже провозжали молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с оленями и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелены-

ми почками. Из лесу навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в яркокрасной шапочке и с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала и лошадь (она была когда-то впряжена в золотую карету), и девушку. Это была маленькая разбойница; ей наскучило жить дома и она захотела побывать на севере, а если там не понравится, то и в других частях света. Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга!—сказала она Каю.—Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света?

Но Герда потрепала ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края,—отвечала молодая разбойница.

— А ворон?—спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его?

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

— Ну вот и сказке конец!—сказала молодая разбойница, пожалала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в город. Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда—своей. Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольный своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: маятник все так же стучал „тик-так“, и стрелка двигалась по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной Королевы было забыто ими, как тяжелый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло теплое, благодатное лето.

КНИГИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

ЕСЕНИН: Том I	10 мар.	}	М. ЗОЩЕНКО: О чем пел соловей	2 мар.
„ „ II	7 мар.		ГОГОЛЬ: Коляска	3 мар.
С. ЧЕРНЫЙ—Ослиный тормаз	5 мар.	}	„ Старосветские помещики	5 мар.
ПЕТРОВСКИЙ 2-ая мировая война	10 мар.		„ Сорочинская ярмарка	4 мар.
С. ЧЕРНЫЙ—Сумбур-трава	5 мар.	}	ГУМИЛЕВ: Избранные стихотвор.	8 мар.
С. САВИНОВ: Распятие (из Пражской жизни)	8 мар.			

ВСЕ КНИГИ по индивидуальным заказам высылаются наложенным платежом.
ПРОСЬБА—денег авансом не присылать.
ЗАКАЗЫ направлять по адресу: 13-b, München 23, Alte Heide 2-A/I, Tamarzew M.

**Переписка на пишущей машинке.
Переводы. Печатание на ротаторе.**

Заказы выполняются скоро и аккуратно.

ТВЕРДЫЕ ЦЕНЫ!

Принимаются заказы от лиц, живущих вне Мюнхена.

München 23, Alte Heide 2 A-I, Technisches Büro